

ОБ ОДНОМ ИЗ СЮЖЕТОВ ЖИТИЯ СТЕФАНА СУРОЖСКОГО (БРАВЛИН ИЗ НОВГОРОДА ИЛИ ПЕСАХ ИЗ С-М-К-РАЯ?)

В одной из недавних работ В.К. Михеев заметил, что «несмотря на более чем тысячелетнюю историю изучения проблемы (хазароведения – авт.), количество мнений, оценок и гипотез продолжает постоянно увеличиваться» [Михеев Тортика 2005, С. 175]. Одно из таких новых мнений и представляет настоящая работа

«Житие Стефана Сурожского» является самым дискуссионным «крымским» биографическим произведением. Известно, что его прототипа не сохранилось, а некоторые эпизоды поздних редакций выглядят настолько неправдоподобными, что в части исследователей сформировалось устойчивое представление, что это биографическое сочинение, особенно его славянский вариант, является более литературным, нежели историческим источником [см. напр. Успенский 1915, С. 210; Чибанко 1975, С. 114; Vasiliev 1946, С. 81-83; Цукерман 2003, С. 79]. Некоторые сюжеты и самого Стефана Сурожского не причисляли к реальным историческим фактам [Da Costa-Louillet 1941, P. 241-243]. До недавнего времени при анализе, в основном, использовались две редакции Жития святого, введенные в научный оборот В.Г. Васильевским (1915).

В кратком греческом Житии содержащемся в Сугдейском синаксаре из Сугдейской библиотеки (оно было записано около 1318 года в Сугдае неким Георгием и помещено под 15 числом месяца декабря) сообщается следующая история. Стефан родился в Каппадокии, после смерти родителей отправился в монастырь, где беседовал с местными учеными, затем прибыл в Константинополь и стал монахом. После смерти «предстоятеля славного города Сугдеи» и по рекомендации патриарха Германа, он «возводится на архиепископский престол». В период правления Льва Армянина Стефан приехал в Константинополь для борьбы с иконоборческой ересью, за что был подвергнут наказаниям и посажен в тюрьму. Вследствии, по ходатайству некой женщины Ирины был отпущен, вернулся на кафедру в Сугдею, где и скончался [Васильевский 1915, С. 73].

В славянской, более полной, версии Жития, датированной не ранее XV в. [Васильевский 1915, С. CCLXIII; Ivanov 2006], события интерпретируются несколько иначе. Так же как в греческом варианте, Стефан, благодаря патриарху Герману после смерти сугдейского архиепископа, был поставлен во главе местной кафедры на корабле императора, который «весьма сильно любил его» отправился в Сурож. В период правления Льва Исавра, он приезжает в Константинополь, где вступает в идеологический конфликт в результате чего был избит, привязан к шкатулке воласту и доставлен в тюрьму. При Константине Копрониме по ходатайству императрицы «Феодоры, дочери керченского царя», святого выпустили из темницы. После этого он крестит императорского сына и одаренный

Константин «с великой честью» отправляется в Сурож, где и умирает, совершив ряд чудес [Васильевский 1915 С. 77-98].

В настоящей работе мы рассмотрим один из сюжетов славянской версии пощенинских чудес Стефана (в краткой греческой редакции чудеса отсутствуют) и известный в литературе как «Сказание о Бравалине» [Васильевский 1915 С. 95-96, Ivanov 2006, P. 159-163].

«Минуло мало лет после смерти святого. Пришло великое русское войско из Новгорода и князь Бравалин, очень сильный. Полонил он от Корсуна до Корча (Корчева) (многих). С большими силами подошел он к Сурожу. Дней десять были, они зло друг с другом. И через десять дней вошел Бравалин (в город), силой взломал железные врата. И вошел в город, и ворвался в церковь святой Софии, взяв меч свой. И разбив двери, проник туда, где был гроб святого, а на гробе – царское покрывало и жемчуга, золото и драгоценные камни, золотые кадила и много золотых сосудов. Все разграбил он.

И в тот же миг разбился он - обратился его лицо назад, и лежал он, источая пену. Возопил он: «Здесь есть великий святой человек. Он ударил меня по лицу, и обратилось мое лицо назад!» И сказал князь своим боярам: «Верните все, что взяли, обратно!» Они же возвратили все и хотели и князя вынести оттуда. Князь же возопил: «Не трогайте меня, оставьте лежать! Ибо один старый святой муж хочет меня изломать. Он придавил меня и хочет вынуть мою душу». И сказал им: «Скорее выводите войско из города этого. И еще, да не возьмет ничего войско!» И вышли из города, но он не встал. Тогда князь сказал боярам: «Возвратите все из награбленных церковных священных сосудов, которые мы награбили в Корсуну и Корчи, и повсюду. И принесите этому святому и положите на гроб Стефана». И возвратили они все и ничего себе не оставили, но все принесли и положили при гробе святого Стефана.

И вновь в гнев ужасном рек святой Стефан князю: «Если не окреститься в моей церкви, не возвратишься и не уйдешь отсюда!» И воскликнул князь: «Пусть приведут попов и они крестят меня. Если встану и лицо мое обратится, тогда крещусь».

И пришли попы и Филарет, архиепископ. И сотворил он молитву над князем. И крестили его во имя Отца и Сына и Святого Духа. И обратился лик его вспять. Но все еще бодела его шея. Крестились же и все его бояре.

Попы же сказали князю: «Обращайся к Богу. И повели возвратить всех, сколько ни взял, пленных, мужей и жен, и детей от Корсуна до Корча». Тогда князь повелел всем своим (людям) отпустить всех, каждого во всяком.

Целую неделю не выходил он из церкви, пока не дал великого дара святому Стефану. И удалился, почтив попов и (архиепископа), и город и людей.

И прослышав об этом, другие военачальники не смели нападать. А если кто и совершал набег, отступал посрамленным»².

¹ Известна еще армянская редакция Жития, о которой см. ниже.

² Настоящий перевод выполнен А.К. Шапошниковым по рукописи № 90 бывшей Московской духовной академии, ныне Российской Государственной библиотеки [см. Моргаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крымского «хазарского периода» (в печати)].

Рассматриваемый сюжет, по мнению большинства исследователей Жития Сурожского, является наиболее загадочным. Ему посвящена обширная историография [Обзоры см. Васильевский 1915, С. СХLII-СLVI; Вестберг 1907, С. 234-235; Левченко 1956, С. 46-53; Сахаров 1980, С. 25-28; Руп 1988, С. 67-70; Сорочан 2004, С. 341-342]. Это связано, в первую очередь, с тем, что, если следовать хронологии источника, то упоминание новгородского князя Бравалина – одно из самых ранних сведений о начальной истории Руси. В подтверждение актуальности проблемы напомним высказывание Г.В. Вернадского, который, соглашаясь с предположением Н.Т. Беляева, что имя Бравалин следует связывать с участием князя в битве при Бравалле (770 г.) пишет: «Все это не более, чем цепочка предположений, но следует сказать, что толкование Беляевым имени князя Бравалина является единственным объяснением, имеющим, по меньшей мере, высокую-то степень вероятности» [2000, С. 289].

К настоящему времени в историографии превалирует мнение, что набег русских на Крым - историческая реальность. Дискуссии в основном сводились к проблеме следует ли нападение Бравалина отождествлять с известным походом ивандского князя Владимира в 988/989 гг. (в некоторых редакциях в качестве самостоятельного события, действительно случившегося вскоре после смерти святого).

Последнюю точку зрения на серьезном научном уровне первым попытался обосновать В.Г. Васильевский¹. В результате глубокого и всестороннего анализа различных редакций Жития и других связанных с ним источников ученый пришел к выводу, что славянское Житие Стефана Сурожского появилось не ранее первой половины XV в. [1915, С. ССLXI] и содержит значительный пласт заимствований. «Сказание о Бравалине» было создано в Византии не позднее второй половины X в., но ранее похода Владимира, и отражало реальное событие, случившееся максимум в 30-х гг IX в. [1915, С. ССLXXIII].

Для аргументации своих выводов В.Г. Васильевский использовал следующие доказательства:

источник акцентирует внимание, что рассматриваемое событие случилось «мало лет после смерти святого», а Стефан скончался не позднее конца VIII в. [1915, С. ССLXXIII].

в сюжете фигурирует «архиепископ Филарет, очевидно – тот же самый, который и выше (в Житии – авт.) был упомянут в качестве ученика и непосредственного преемника Стефана» (Там же). При этом, Филарет Жития Стефана Сурожского, скорее всего, является тем самым «боголюбнейшим отцом и архиереем господином Филаретом» [Сорочан 2006, С. 1391], о котором сообщает Феодор Студит в письме к архимандриту Готии (821 - 826 гг.) [1915, С. ССLXXIII].

Казаless бы, противоречить таким выводам должно то, что сразу за «Сказанием о Бравалине» следует последнее из зафиксированных Житием чудес святого Стефана Сурожского: «Анна же, царица, идучи из Корсуны в

¹ задача настоящей работы не входит подробное освещение историографии проблемы. Отметим, что с момента выхода в свет работы В.Г. Васильевского доказательная база исторически не расширилась.

Корчев, разболелась смертным недугом в пути на Черной Воде. На ум ей пришла святая Стефан. И сказала она: «О, святой Стефан, если избавишь меня от этой болезни, воздам тебе многими дарами и почестями!»

Тю же ночью явился ей во сне святой Стефан, говоря: «Христос, истинный Бог наш, исцеляет тебя от болезни через меня, служителя его. Встань здорова и иди в путь свой с миром». В тот же час прекратился недуг ее, и стала она здорова, будто никогда и не болела.

И почувствовала она наступившее исцеление и вознесла добрые хвалы Богу и святому Стефану. И все, кто был с нею, встав поутру, с великой радостью двинулись в путь свой.

Анна проповедовала дела Божьи, совершенные преподобным его (Стефаном) и даровала многие дары церкви святого» [Васильевский 1915, С. 96-97, Ivanov 2008 P. 163]⁵

Если следовать логике повествования источника, то нашествие Бравлин должно было случиться в период близкий к походу Владимира (если конечно интерпретировать царицу Анну как сестру Василия II и жену Владимира Киевского). Понимая это, исследователь замечал: «Конечно трудно найти какую-нибудь другую Анну, которая была бы царицей и притом имела бы несомненный исторический известный случай посетить Крым не позднее конца X века, кроме византийской царицы, выданной за Владимира Русского» [1915, С. ССLXXXV], «не разумеется ли тут просто хазарская царица – другая по отношению к той, которая раньше была названа дочерью керченского царя? Наконец само чтение Анна, как видно из вариантов, не вполне надежно» [1915, С. ССLXXXVI].

В аргументации В. Г. Васильевского присутствуют слабые места:

- славянское Житие составлено не менее чем через 500 лет после появления греческого оригинала (вернее, той редакции, на основании которой оно создавалось) и содержит много заимствований из других агиографических произведений (это аргументированно показал сам исследователь) [1915, С. ССXXXIV – ССLXIII]. Поэтому все хронологические привязки в нем, учитывая и жанр источника, могут носить условный характер.

- В славянском Житии присутствуют исторические и хронологические несоответствия, анализ которых был блестяще проведен самим В. Г. Васильевским [1915, С. СССXVIII-ССXXIII].

- Рассматриваемый сюжет относится к чудесам, в истинности которых (кроме самого факта похода), сомневался и сам ученый [1915, С. ССLXXIV].

- Филарет – имя распространенное, поэтому присутствие нескольких архиереев с таким именем вполне реально.

- Современные наблюдения за стратиграфией культурных напластований Керчи, Судака, Херсона и других памятников не фиксируют никаких следов вторжений

⁵ Настоящий перевод выполнен А. К. Шапошниковым по рукописи № 90 бывшей Московской духовной академии, ныне Российской Государственной библиотеки (см. Могаричев А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского» периода) (в печати).

VIII- первой половины IX в., которые, несомненно, имели бы место, учитывая значительную Житием масштабность акции

Поход Бравлина в Крым в первой половине IX в. не находит подтверждения в источниках

Нет оснований отождествлять Бравлина и с Владимиром: военные действия велись исключительно вокруг Херсона и Восточный Крым не затронули. Биограф не связывает между собой сюжеты о Бравлине и Анне; непонятно как славянское и христианское имя которого хорошо было известно и в Византии и на Руси, превратился в Бравлина, при этом автор знает Анну и не знает Владимира?

По нашему мнению, определенную помощь в решении «загадки Бравлина» может оказать армянская редакция Жития Стефана Сурожского. Недавно, она вновь была введена в научный оборот сначала С.А. Ивановым [Иванов 2000; 2005], а затем А. Бозояном. Последний опубликовал сводный текст, основанный на нескольких армянских списках XIII-XV веков [Bosoyan 2006]. Армянская редакция является ценным источником, позволяет по-новому взглянуть на Стефана Сурожского как историческую личность и проливает свет на некоторые «темные» стороны греческого и славянского вариантов.

Как убедительно показал С.А. Иванов, армянское Житие, хоть и было составлено не ранее XIII в., сохранило часть текста греческого прототипа, несомненно восходящего к иконоборческой эпохе. Константин V (Константин Коприн в оригинале) здесь упоминается как «правивший с верой во Христа и благочестием» [подробнее см. Иванов 2005, С. 310]. При этом сюжет армянского источника во многом перекликается с греческой и частично, со славянской версиями «но в ряде сюжетов он гораздо полнее их обоих» [Иванов 2005, С. 311].

В нем в отличие от славянского отражены многие исторические реалии. Например, спасительница Стефана и жена Константина V названа не Феодорой а Ириной, дочерью правителя Хазарии (что и было на самом деле) [Ivanov 2006, P. 111]. Отметим, армянское Житие сохранило изначальную традицию почитания Стефана не 15 декабря, как в поздних синаксарях, а 10 августа [Иванов 2005, С. 311]. Все это позволяет отдать армянской версии предпочтение в трактовке событий.

Как аргументированно показал С.А. Иванов, армянское Житие равно как и славянское, выполнены на основе постиконоборческой греческой редакции конца X в., то есть, в период, когда Византия после похода Владимира вернула себе контроль над всем Крымом [Ivanov 2006, P. 111]⁶. И действительно, греческий автор мог назвать царицей, без соответствующих пояснений, только особу византийского происхождения (при этом другой царицы Анны, побывавшей на полуострове до конца X в., мы не знаем). Кроме того, ему и современникам, для которых предвизначалось сочинение, было совершенно ясно, о ком идет речь и не требовалось соответствующих уточнений. А значит, с момента пребывания Анны в Крыму прошло немного времени.

Такую точку зрения высказал О.М. Рапов. По его мнению «Сказание о Бравлине» было создано в Сугдее во время похода Владимира, и являлось идеологическим оружием, которое применялось против русских сурожане [1988, С. 71-72].

Рассмотрим трактовку «Сказания о Бравлине» и «Болезни Анны» армянской редакцией?

«Спусти время некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, и разрушил Керчь и страну его. И отправился оттуда в Шрсон [Херсон] и разрушил тот, и взял в плен мужчин и женщин и детей, и других мечу придал. Оттуда пришел с войском в Сухта (Сугдею) и как поступил в других гаварах (местностях, областях – авт.) так поступил и в этом гаваре, ибо кровь безвинных смешал с землей, взявши город Сухта, и вошедши в церковь святого Степаноса похитил все сосуды церкви, золотую и серебряную утварь и почтенные облачения. И когда взял (похищенное), чтобы раздать войску своему, тогда отнялись руки с лица окаменного, и не мог двигаться, а трясся всем телом, и страшно стало всему войску. И вернувшись, положили всю утварь церкви на свое (прежнее) место – после исправился (его) лицо и все тело. И уверовал в Бога (Пролис) и получил крещение во имя Святой Троицы. И пошла слава чудес по всему миру, и впрямь никто не дерзал завладеть утварью церкви святого архиепископа Степаноса»

В те времена благочестивая царица по имени Анна, выйдя из Шрсона, (чтобы) поехать в Керчь заболела по дороге и мучилась от боли. И потому как прежде слышала о славе чудес святого Степаноса, молила Бога и святых угодников избавить от боли, и вдруг удивление нашло на нее, и узрела святого Степаноса, который говорил: «Не страшись, завтра в это время будешь исцелена от болезни своей, моим заступничеством». И на следующий день исцелилась так, как будто и не впадала в скверну болезни, и послала дары церкви, и святому влтарю царские облачения, и много всего другого, и благодарила Бога и святого Степаноса»

Итак

- Нашествие врагов в Крым, случилось «спустя время» после смерти Стефана, а не «мало лет после смерти святого». Следовательно, отсутствует всякая хронологическая привязка этого события к смерти святого, кроме того, что оно произошло позднее

- Главней нападавших происходит «из злого и неверного народа». Его русское и тем более, новгородское происхождение вообще не упоминается

- Враги сначала захватывают Керчь, а не Херсон, как в славянском варианте. Это позволяет предполагать, что враги пришли с Азиатского Босфора.

- В эпизоде с крещением Бравлина-Пролиса не упоминается Филарет

- Сюжет «исцеления Анны» следует с пояснением «в те времена», то есть во времена нашествия Пролиса;

- Анна названа здесь «благочестивой», что позволяет исключить ее хазарскую принадлежность

Таким образом, можно сделать вывод, что армянский более достоверный и близкий к оригиналу вариант Жития, не содержит никаких оснований для датировки похода Бравлина-Пролиса первой половиной IX в. и не связывает нападавших с Русью. Учитывая, что чудо с «исцелением Анны» следует сразу за «сказанием о Бравлине-Пролисе» с указанным выше пояснением, можно с определенной долей

¹ Перевод выполнен по просьбе автора Т.Э. Саргсян с армянского текста, опубликованного А. Бозояном [2006, Р. 104-107]

вероятности предполагать, что оба этих события относятся приблизительно одному времени

Учитывая изложенное и пытаясь найти подтверждение «нашествию Бравлина» в других источниках, обратим внимание на хорошо знакомый исследователям документ, известный как «Кембрижский аноним» (или «Анонимное письмо» из Кембрижской генизы). Он был создан в Константинополе зимой 949/950 г. хазарским анонимом на древнееврейском языке⁸ [Кокочов 1932, С. 113-123, Новосельцев 1990, С. 138-142; Цукерман 2002, С. 526; Голб, Прицак 1997]

В нем повествуется, что преследования императором Романом Лакалином (919-944) евреев вызвали напряженность в отношениях между христианской Византией и иудейской Хазарией (напомним, что хазары в 861 г. в качестве официальной религии приняли иудаизм [Zuckerman 1995, P. 237-259, Цукерман 2002, P. 530-532]). Император Роман заручился поддержкой русского князя Олега⁹ послал тому богатые подарки. Олег захватил и разгромил город С-м-к-рай (Тугтараканы), впоследствии ставший отсутствием в нем хазарского военачальника Песаха Песах в свою очередь начал войну с византийцами на территории Крыма. Он завоевал три города и много селений. Затем он напал на Херсон и разгромил византийцев в сражении, убив 90 человек, многих взял в плен, а остальных рассеял. Данные события произошли в 920-940-х гг. [Zuckerman 1995, P. 237-239, Сорочан 2005, С. 1535-1552]

Согласит описание походов в Крым Песаха и Бравлина-Пролиса

Кембрижский Аноним (текст по Кокочову [1932, С. 113-123], с уточнениями Н Голба и О. Прицак [1997, С. 141])	Армянское Житие Стефана Сурожского
И стало это (нападение Олега на С-м-к-рай – авт.) известно Булшици, то есть досточтимому Песаху, и пошел он в гавань на города Романа и избил (губил по Н Голбу и О. Прицаку) и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И пошел по Н Голбу и О. Прицаку) И оттуда он пошел на город Шуршун и повел против него [] и они вышли из земли наподобие червей [] Израила, и из них 90 человек [] и он	Спусти время некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, и разрушил Керчь и страну его. И отправился оттуда в Шрсон [Херсон] и разрушил тот, и взял в плен мужчин и женщин и детей, и других мечу придал. Оттуда пришел с войском в Сухта и как поступил в других гаварах (областях – авт.) так поступил и в этом гаваре, ибо кровь безвинных месил землю

Хотя эти источники являются проблемными, большинство современных исследователей склонны верить как в подлинность самого документа, так и в правдивость описанных в нем событий [Новосельцев 1990, С. 7 – 8]. Подробнее обзор историографии см. [Майко 2004, С. 33 – 39, Семенов 2005]

⁹ По мнению А.К. Шапошникова, в источнике речь идет об Игоре. Русский князь именуется в тексте Олеговичем или (сыном) Олеговым, по евр. ж-у-л-г-у

заставил их платить дань (он не окончательно разгромил их в битве), но он обязал их служить ему – по Н.Голбу и О. Прицаку)

- Как видим, между этими двумя повествованиями много общего - аналогично количеству захваченных городов, только в Житии называются имена всех городов, а в Кембриджском документе только Херсон,
- в обоих источниках сначала был покорен Восточный Крым, а затем Херсон (Песах явно пришел в Крым с Азиатского Боспора, судя по логике повествования армянского Жития Стефана Сурожского, оттуда мог прийти и Пролис);
- в обоих источниках упоминается о множестве покоренных селений,
- сходны описания репрессий по отношению к местному населению,
- в некоторой степени близки имена предводителей похода – Песах и Пролис.

Принимая во внимание разницу между армянским и древнееврейским языками, а также то, что в армянское Житие данный эпизод попал не прямо, а через не дошедший до нас греческий текст, Песах мог превратиться в Пролиса (заметьте Сугдаю греческой редакции в армянской превратилась в Сухту, Копроним в Колприн, хазары в лазары, Херсон в Шрсон).

Конечно, могут возникнуть возражения: если греческая редакция, на основании которой создавались армянская и славянская версии, была составлена в конце X в. то ее автор должен был быть прекрасно осведомлен о хазарах и, следовательно, почему в армянском Житии завоеватели интерпретируются как безымянный «злой и неверный народ»? Совершенно очевидно, что составитель армянской версии живший не ранее второй половины XIII в. пытался ососредоточить источник. Например, на это указывает употребление топонима – Керчи. Все византийские источники называют данный город Боспором. Впервые название, похожее на Керч, Крх, появляется в начале X в. у Ибн-Русте [Айбабин 1999, С. 222]. Оно известно в арабских (в том числе и золотоордынских), еврейских (Еврейско-хазарская переписка – К-р-ц [Кокковца 1932, С. 102]), турецких и русских источниках (Тмутараканский камень [Захаров 2002] – Корчев)¹⁰. В Бушаков вообще считает что название Керчь возникло только с появлением в Крыму итальянских колоний [2005, С. 123].

¹⁰ По мнению А.К. Шапошникова, у Ибн-Русте условное чтение к-р-х, с учетом ущербности консонантного письма и порчи рукописей, может оказаться чем угодно. Но если эта форма реальна, то ее лучше всего сопоставить с Укрух – «Боспор Киммерийский» у Константина Багрянородного. Данное имя тяготеет к старославянским языковым реликтам северного Причерноморья и означает «горловина, т.е. пролив». Пресловутый топоним из еврейско-хазарской переписки, настойчиво подправляемый всеми издателями и комментаторами в виде к-р-ц (иуде), на самом деле во всех рукописях имеет вид к-р-й-й (две буквы йод на конце). Что означает, что перед нами некая форма «карей», передающая средствами еврейской графики позднелатинский топоним Карвон (Carvone). Др-русск. Къръвь относится к позднейшим временам (если только сам эпиграфический памятник не является подделкой в эпоху увлечения «древностями»).

Для автора армянского Жития и его сородичей (несомненно, что сочинение предназначалось для использования в армянской среде) этним хазары уже мало что значил. Вероятно, в силу этого родиной супруги Константина V названа «Греческая страна Лазаров» а не реальная «Хазаров» [Bozouan 2006, P. 100-101].

Таким образом, учитывая, что рассматриваемые источники отражают позиции противоположных сторон, версия о том, что в них отражено одно и то же событие, является имеющей право на существование.

По поводу превращения Песаха из Хазарии в Бравлина из Новгорода можно высказать следующее предположение. Как показал В.Г. Васильевский, в русских летописях XIV в. часто встречается сообщение о пребывании сурожских купцов на Руси. Причем термином Сурожане называли не только торговцев из Крыма, но и русских людей, ездивших на полуостров за товарами. В 1549 г. в Новгороде функционировал и Сурожский двор. Из таможенной грамоты 1571 г. явствует, что сурожские сурожане ранее пользовались различными льготами [1915, С. ССІ-ССІІ]. Поэтому вполне возможно, когда в середине XV в. на Руси получил распространение культ Стефана Сурожского и, следовательно, стали известны его жития [1915, С. ССІХ-ССІХІ] что бы показать глубокие корни, связывавшие Русь с Сурожем, русские агиографы заменили непонятного для них захватчика на новгородского князя Уже в начальный период царствования Ивана Грозного «Житие Стефана Сурожского» было хорошо известно и рассматривалось как важный исторический документ, свидетельствующий о славе русского имени еще до призвания Варягов» [Васильевский 1915, С. ССІХІІ].

В заключение отметим, что автор понимает гипотетичность выводов настоящего исследования и считает его всего лишь одним из ряда шагов на пути решения загадки Бравлина.

Литература

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма - Симферополь 1999
- Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековой в Тавриде // ИТУАК -1920 -№57.
- Бушаков В. Як укладалася докладная редакция так званого листа хазарського царя Йосифа // Хазарський Альманах - 2005 -Т 4.
- Васильевский В. Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды - Петроград 1915
- Варнадский Г.В. Древняя Русь -Тверь-М 2000
- Вестберг Ф. О жизни св. Стефана Сурожского // ВВ - СПб., 1907. - Т XIV -Вып. 2
- Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. - Иерусалим, 1997.
- Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества - М., 2002 - Т 4 (152).
- Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары Второй Международный коллоквиум - М., 2000
- Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары - Карлы и славяне - Иерусалим-М 2005 - Т 16

- Кокцов П.К. Еврейско-хазарская переписка - Л., 1932
 Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений - М., 1956
 Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004
 Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары Евреи и славяне - Т. 16. -М. - Иерусалим, 2005.
 Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа - Москва, 1990
 Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XII в. Принятие христианства - М., 1988

- Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. - М., 1980
 Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походе Хельгу, «царя Руси» // Хазары Евреи и Славяне - Т. 16 -М. -Иерусалим, 2005
 Сорочан С.Б. Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник - К. - Судак, 2004.
 Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры - Харьков 2005. - Ч. 2

- Успенский Ф.И. Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания // ЗООИД -Одесса. 1915 -Т. XXXII
 Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЗТ-2002 -Вып. IX
 Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства//Археология. 2003 -№1

- Bozoyan A. La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar -Paris, 2006
 Da Costa-Louillet G. Y eut-il des invasions Russes dans L'Empire Byzantin avant 860? // Byzantion -Vol. 15. -1941
 Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar -Pans, 2006.

- Sevcenko I. Hagiology of the iconoclast period // Iconoclasm. - Birmingham 1975.
 Vasilev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860 - Cambridge-Massachusetts 1946
 Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. - Pans. 1995 - Т. 53

Y. M. Mogarichev

About the plot of Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh.
 (Bravlin of Novgorod or Pesakh of Samkray?)

The author of the article considers that the plot (from Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh) of Novgorodsky duke Bravlin's campaign into Crimea depicts (according to Anonym of Cambridge) the well-known campaign commander of Khazars Pesakh. He came to this conclusion analyzing the Armenian Life of Stefan of Surozh and Anonym of Cambridge

Ю. М. Могаричев

Про один з сюжетів Життя Стефана Сурожського.
 (Бравлін з Новгороду чи Песах з Самкраю?)

На думку автора статті, сюжет із Слов'янського Життя Стефана Сурожського про новгородського князя Бравліна до Криму є віддзеркаленням відомого за Кембриджським Анонімом походу до Криму хазарського полководця Песаха. Такого висновку автор дійшов на підставі аналізу Вірменського Життя Стефана Сурожського та Кембриджського Аноніму